

A cinematic photograph featuring a cat and a sloth. The cat, on the left, is dressed in a dark pinstripe suit, a white shirt, a dark tie, and a black fedora. It has a serious expression and yellow eyes. The sloth, on the right, is wearing round glasses and a thick, textured grey sweater. It has a thoughtful or sleepy expression, with its hand near its face. They are standing on a city street at night, with blurred streetlights and buildings in the background.

Наталья Капычай

СЛИВКИ

Наталья Капычай

Сливки

«Автор»

2026

Капычай Н.

Сливки / Н. Капычай — «Автор», 2026

В уютном городке Барсингтон просыпаются рыбные лавки, булочные и голуби. Но когда с северных складов исчезают тридцать шесть литров сливок первого сорта — а замки целы, окна забиты, а ключи лежат под подушкой у кладовщика, — на дело вызывают лучшего детектива города. Кота по имени Барс. Ему придётся спуститься под землю, помириться с кротом-инспектором Арчибальдом, с которым он не разговаривал четырнадцать месяцев, и понять: сливки не украли — их утопили. Но зачем? Кому выгодно, чтобы на склады обратили внимание? И кто платит котяткам орехами за странные ночные поручения? «Сливки» — детективная сказка о дружбе, которая началась с неловкости и гордости, о подземных ходах и молочной империи, о коте, который мялся у норы, и о котёнке, который записал в протокол слово «моська». Тёплый, смешной и неожиданно глубокий детектив для всех возрастов.

© Капычай Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Тридцать шесть литров	6
Глава 2. Крот не хочет	12
Глава 3. Осмотр сверху	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Наталья Капычай

Сливки

Глава

Сливки

Глава 1. Тридцать шесть литров

Барсингтон просыпался медленно, как старый кот, которого никто не торопит.

Сначала заворачались рыбные лавки на набережной — там всегда начинали раньше всех, потому что рыба не ждёт. Потом зевнули булочные, выпустив в улицы запах дрожжей и корицы. Потом проснулись голуби — эти твари просыпались всегда с одной мыслью: «где бы сесть». И только после них, ближе к восьми, город окончательно открыл глаза: заскрипели ставни, застучали копыта по мостовой, запыхтели чайники в окнах мансард.

В этот час на углу Кленовой и Второй Пробковой сидел кот в сером плаще и делал вид, что он тут ни при чём.

Кота звали Барс, и это имя было единственным, в чём он никогда не сомневался. Всё остальное он пересматривал регулярно: марку плаща, рацион, отношение к собакам, смысл жизни и — особенно часто — вопрос о том, действительно ли он лучший детектив Барсингтона или только так выглядит.

Обычно он склонялся к первому.

Барс приподнял голову, принялся к утреннему воздуху и разложил его по полочкам, как опытный дегустатор — дегустатор чая, вина и, при необходимости, чужих подозрений.

Ветер с набережной — рыба, мокрый камень и одинокий носок, который кто-то потерял у причала.

Ветер с пекарни — хлеб, корица и еж Пых, который, судя по крепости запаха, опять спал прямо в мешке с отрубями.

Ветер с северных складов — сливки.

Барс нахмурился.

Он любил сливки. Он любил их до такой степени, что однажды написал об этом эссе, которое потом не смог продать даже Крысу Крысовичу, а этот крыс покупал всё. Но сейчас дело было не в любви. Сливки пахли не так, как должны были пахнуть в четверть девятого утра.

Они пахли открытыми.

Это самое трудное в работе носа: ты не можешь объяснить, почему запах неправильный. Ты просто знаешь. Сливки не должны пахнуть в этот час — в этот час они должны сидеть в холоде, под крышкой, в бочках, укрытые влажной тряпичей, и терпеливо дожидаться, пока их придут пить. А эти пахли так, будто их не укрыли, не закрыли и вообще выставили на улицу.

— Что-то не так, — сказал Барс вслух.

— Вы что-то сказали, господин?

Барс вздрогнул — не от страха, а по профессиональной привычке, потому что кот, который не вздрагивает, выглядит глупо, а кот, который вздрагивает, выглядит настороже.

Перед ним стоял маленький котёнок, месяца четырёх от роду, с рыжей шерстью, торчащей во все стороны, как у одуванчика, которого разозлили. Котёнок держал в зубах конверт и смотрел на Барса с восторгом, который обычно приносят только еду.

— Ты кто? — спросил Барс.

— Слива! — гордо ответил котёнок и погрузился. — Ну, Сливка. Ну, Слив. Мне не нравится, но мама сказала, что имя дают один раз.

— Понятно. Слива. И что у тебя?

— Письмо! От мадам Мурр! Она сказала: «отнеси это коту, которого все зовут детективом, только не перепутай, он на углу, у него плащ и он выглядит как проблема».

— Она сказала «проблема»?

— Она сказала «нечто из себя представляющий», — честно ответил котёнок. — Но Соня сказала, что это то же самое, только вежливее.

Барс принял конверт. Он сделал это не сразу. Он дал конверту секунду повисеть в воздухе, чтобы стало ясно: у него есть дела важнее конвертов, и он берёт их только из милосердия. Потом взял.

Внутри лежал лист плотной кремовой бумаги, сложенный идеально пополам. Барс развернул его и прочитал.

«Господин Барс. Мне необходимо вас видеть. Сегодня. Дело касается моих сливок. Не нужно спрашивать о сумме — она будет неприличной. Мадам Мурр, Молочная империя "Мурр и сыновья". Приходите немедленно, и, ради всего, не берите с собой крота».

Барс прочитал последнюю строчку трижды.

— Не берите с собой крота, — повторил он.

— Какого крота? — заинтересовался котёнок.

— Никакого.

— А почему тогда?

— Слива, — сказал Барс с достоинством, — ты когда-нибудь слышал слово «конфиденциальность»?

— Нет.

— Вот поэтому ты бегаешь с письмами, а я раскрываю преступления.

Котёнок подумал.

— А у меня тоже будет плащ?

— Нет.

— А почему?

— Плащи выдают по заслугам, — сказал Барс и, не объясняя больше ничего, пошёл по улице в сторону складов.

Слива поскакал за ним, потому что котёнок — это такая штука, которая никогда не понимает, где заканчивается разговор.

Северные склады Барсингтона тянулись вдоль канала тремя длинными рядами амбаров, крытых красной жестью, которая когда-то была краснее. Здесь пахло холодом, известью и деловитостью. Здесь никто не гулял. Здесь работали.

Барс вошёл на территорию с видом хозяина, который зашёл проверить, всё ли хорошо прибрано в его отсутствие.

Его тут же остановил мастиф.

Мастиф был размером с небольшую дверь и имел ровно столько же воображения. Звали его дядя Барон, и он служил начальником охраны молочных складов уже одиннадцать лет, за которые не поймал ни одного вора, но трижды ловил одного и того же ежа, который просто ходил мимо.

— Стой, — сказал Барон. — Куда.

— Барон, — мягко сказал Барс, — это я.

— Я вижу, что ты. И поэтому говорю: куда.

— Мадам Мурр меня вызвала.

— Мадам Мурр никого не вызывала.

Барс молча показал ему конверт.

Барон посмотрел на конверт. Сначала на лицевую сторону. Потом на обратную. Потом снова на лицевую. Он вчитывался в буквы с той основательностью, с какой читают приговоры, а не записки.

— Тут написано «крот», — наконец сказал он.

— Не написано.

— Написано. Я видел.

— Барон, — сказал Барс, — тут написано «не берите с собой крота».

— Вот. Я и говорю — крот. — Мاستиф подозрительно огляделся. — Зачем вы вообще пишете про кротов?

— Я не пишу. Я читаю.

— А кто пишет?

Барс вздохнул так, как вздыхают люди, вынужденные объяснять что-то мастифу.

— Мадам Мурр.

— А зачем она пишет про кротов?

— Я не знаю, Барон. Я как раз иду это выяснить.

— А-а, — сказал мастиф уважительно и отступил на шаг. — Ну, тогда идите. Только крота не берите.

Барс уже шёл.

Он прошёл мимо первой линии амбаров, где в темноте гудели ледники. Мимо второй, где рабочие перекачивали бочки и почти не разговаривали — здесь говорить считалось плохой приметой, потому что разговоришься и уронишь. И только у третьей линии, самой дальней, он увидел её.

Мадам Мурр сидела в кресле — в настоящем кресле, принесённом на улицу, — и куталась в мех, хотя солнце уже грело вовсю. Она была сиамской, то есть изящной, тонкой и такой породы, про которую говорят «эта кошка знает, сколько стоит ваша квартира». Мадам Мурр действительно знала. Она знала это про всех в Барсингтоне.

— Вы пришли, — сказала она, не поворачивая головы. — Я так и думала.

— Вы написали, что дело срочное.

— Срочное. — Она наконец посмотрела на него. — Господин Барс, вы когда-нибудь видели тридцать шесть литров?

— В каком смысле?

— В прямом. Тридцать шесть литров сливок. Сливки «Мурр и сыновья», первого сорта, с самого лучшего пастбища южного угла. Тридцать шесть литров, которые сегодня утром должны были лежать в семи бочках вон в тех двух амбарах. — Она указала лапой. — Их нет.

Барс медленно повернулся туда, куда указывала лапа.

Два амбара, аккуратные, побелённые, стояли с открытыми воротами. Из них выходили рабочие и смотрели на землю с выражением, которым обычно смотрят на покойника: "мы тут ни при чём, но всё равно стыдно".

— Украли? — спросил Барс.

— Если бы украли, — сказала мадам Мурр, — я бы не звала вас. Я бы позвала Барона и объяснила ему, что с ним будет, если он не найдёт вора. — Где-то за спиной Барон громко проглотил воздух. — Я зову вас потому, что украсть нельзя.

— Почему?

— Пойдите и посмотрите.

Барс пошёл и посмотрел.

И через минуту понял, что мадам Мурр права. Это был один из тех случаев, которые он любил, хоть и никогда в этом не признавался, — потому что в них есть загадка, а без загадки детектив превращается в сторожа.

Замки на воротах были целы. Не сломаны, не подпилены, не вскрыты отмычкой — а именно целы, шершавые, заросшие старой краской, висят ровно так, как висели год назад. Окна под потолком — забиты гвоздями изнутри. Двери — заперты, и ключи от них, как торжественно объяснил кладовщик, лежали у кладовщика под подушкой с апреля.

Внутри пахло сливками. Очень сильно. Так сильно, что Слива, который всё-таки увязался следом и теперь стоял в дверях, начал мелко перебирать лапами и облизываться.

Но ни одной бочки не было.

Были полки. Были тряпицы. Были лужи. Были нарисованные на полу мелом крестики, которыми отмечали, что в этом месте стояла бочка. Были отпечатки лап рабочих, которые, судя по узору, все как один прибежали сюда рано утром и потоптались.

И было ощущение, что кто-то очень аккуратно всё это сделал.

Барс обошёл амбар. Потом второй. Он нюхал каждую щель, каждую доску, каждый угол. Он прошёлся по стенам, как по подозреваемым. Он заглянул под пологие скаты крыши, на балки, под стеллажи. Ничего. Ни следа. Ни царапины. Ни запаха чужого.

Только сливки.

Сливки пахли везде. Они пахли от пола. Они пахли от стен. Они пахли даже от потолка, что было уже совсем странно, потому что сливки никогда не летают.

Барс остановился посреди второго амбара и задумался.

— Ну? — раздалось от ворот.

Мадам Мурр стояла в проёме, держась за косяк так, чтобы её силуэт красиво читался на фоне утреннего света. Она умела создавать себе рамы. Она всю жизнь жила в рамах.

— Ну? — повторила она. — Кто украл?

— Никто не украл, — сказал Барс.

— То есть как это никто. Их нет.

— Это не одно и то же.

— Господин Барс, — мадам Мурр сузила глаза. — Тридцать шесть литров — это не иголка. Это тридцать шесть литров. Их нельзя потерять между пальцами.

— Согласен, — сказал Барс. Он посмотрел на пол. — Скажите, у вас под складами есть подвал?

— Естественно есть подвал. У всех есть подвал.

— А где вход?

— Снаружи. Там, где решётка.

— И давно вы в него заходили?

Мадам Мурр открыла рот, чтобы ответить что-то резкое, и вдруг замерла.

Потому что — это она поняла в ту же секунду, что и Барс, — ни она, ни кто-либо из её рабочих не был в этом подвале много лет. Просто потому, что там нечего было делать. Просто потому, что в подвал лазают, когда что-то случилось, а у них всё было хорошо.

— Решётку не трогали, — сказала она наконец. — Я бы знала.

— Я и не говорю, что трогали, — сказал Барс. — Я говорю, что сливки куда-то ушли. А в этом мире, мадам, жидкости не любят уходить поверху. Они уходят вниз.

Он опустил нос почти к полу и принюхался ещё раз.

И вот теперь почувствовал то, что должен был почувствовать с самого начала, — тонкую, еле уловимую струйку запаха, идущую от щели между досками. Струйку, которая шла вниз.

— Мне нужны две вещи, — сказал Барс, выпрямляясь. — План всей канализации и подземных ходов под северной частью города. И человек, который знает эти ходы лучше, чем вы знаете свои распродажи.

Мадам Мурр посмотрела на него долгим взглядом. Она была умна. Она сразу поняла, куда он ведёт, и это ей категорически не понравилось.

— План, — сказала она. — Я достану план.

— А насчёт второго?

— Насчёт второго, — мадам Мурр поджала губы, — я вам прямо скажу, господин Барс. Только через мой труп.

— Я так понимаю, вы имеете в виду крота.

— Я имею в виду крота! — рявкнула она. — Я имею в виду именно крота. Вы понимаете, что будет, если в этом деле появится крот? Вы понимаете, что мне потом скажет город? Что

мадам Мурр не смогла справиться со своими сливками и звала каких-то подземных? Что она не в силах уследить за собственным молоком?

— Мадам, — сказал Барс, — у вас уже нет сливок.

Пауза была очень длинной.

— Хорошо, — наконец сказала мадам Мурр. — Хорошо. Делайте что хотите. Но если вы приведёте сюда крота, — она ткнула в него лапой, — вы сами будете ему объяснять, почему он родился на свет.

И она ушла — гордо, красиво, прямо по центру гравийной дорожки, как ходят только те, кто точно знает, что сзади на них смотрят.

Барс остался в амбаре, один, посреди пустых полок и запаха сливок.

— Господин? — раздалось из-за двери.

Слива стоял там, где ему было велено, — то есть бежал вокруг амбара уже третий круг.

— Что.

— А кто такой крот?

Барс задумался. Как объяснить котёнку, что такое крот. Крот — это животное, которое живёт под землёй. Крот — это гений, который никогда не поднимается вверх. Крот — это лучший следователь Подземной академии, единственный, кто может найти то, чего нет, и, что важнее, найти то, что есть, но лежит там, где его никто не ищет.

Крот — это Арчибальд.

Крот — это тот, с кем Барс не разговаривал четырнадцать месяцев.

— Крот, — сказал Барс наконец, — это очень старая проблема.

— Ты его не любишь?

— Я его обожаю, — сказал Барс совершенно искренне. — Именно поэтому у нас всё так сложно.

Он вышел на солнце, зажмурился, посмотрел на канал, на чаек, на город, который не знал, что у него пропало тридцать шесть литров, и уже начал думать о том, куда идти.

Он знал, куда идти.

Он просто очень не хотел.

Потому что адрес он помнил прекрасно: Ольховая, двенадцать, под старым дубом, копать вниз. Три метра. Потом направо. Потом ещё раз направо. Потом стучать три раза и обязательно сказать вслух: «это я».

И вот на этих словах — «это я» — обычно всё и ломалось.

К вечеру, когда Барсингтон уже зажигал фонари и в воздухе пахло ужином и чьим-то разговором, серый кот в плаще стоял на окраинной Ольховой улице и смотрел на землю под дубом.

Рядом, в траве, сидел рыжий котёнок и очень старался не мешать.

— Может, вы не туда пришли? — шепнул Слива.

— Туда, — сказал Барс.

— А почему вы тогда стоите и думаете?

Барс посмотрел на него.

— Слива, — сказал он. — Я хочу, чтобы ты запомнил сегодняшний вечер. Потому что через много лет, когда тебя спросят, как началась самая великая дружба Барсингтона, ты сможешь сказать: она началась с кота, который мялся у норы.

Котёнок нахмурился.

— А это правда?

— Понятия не имею, — сказал Барс. — Но звучит хорошо.

Он вздохнул, наклонился и постучал по земле.

Три раза.

Потом сказал в темноту, в землю, в подземелье, где жил тот, кого он четырнадцать месяцев старался не вспоминать:

— Это я.

И где-то в глубине, очень далеко, но совершенно отчётливо, что-то зашевелилось.

Глава 2. Крот не хочет

Земля под дубом ответила не сразу.

Сначала ничего не произошло. Потом под ногами у Барса что-то глухо вздохнуло — так, как вздыхает старый дом, когда в нём кто-то поворачивается на другой бок. Потом из травы, в двух шагах левее, вылез холмик. Аккуратный, ровный, будто его насыпали линейкой.

Слива подпрыгнул на месте и спрятался за Барса. Точнее, попытался — котёнок был размером с барсову лапу, так что спрятался он примерно на треть.

— Это что? — прошипел он.

— Это крот, — сказал Барс.

— Крот из земли?

— Слушай, — Барс не отвёл взгляда от холмика, — если ты сейчас начнёшь задавать вопросы про то, откуда берутся кроты, я уйду и никогда не вернусь.

Котёнок прикусил язык. Не в переносном смысле — он правда прикусил его зубами, чтобы молчать, и это было слышно.

Холмик зашевелился. Земля на вершине пошла трещинами, осыпалась, и из неё показалась сначала лапа, потом вторая лапа, потом — очень медленно, будто это был не выход, а официальное мероприятие, — голова.

Крот был невелик. Крот был вообще-то меньше Барса, если считать по длине. Но было в нём что-то, отчего все, кто оказывался рядом, начинали говорить тише. Может, дело было в бархатной шерсти — тёмной, отливающей серебром, будто на крота смотрели сквозь дым. Может, в круглых очках в железной оправе, которые он носил при абсолютно слепых глазах, потому что «без очков я чувствую себя непрофессионально». А может, в том, как он поднимался: без спешки, без суеты, как поднимается человек, у которого в этом году есть годовой отчёт и который не позволит никому его испортить.

Крот потряхнул с плеч землю, повернул невидящую морду точно в сторону Барса и сказал:

— Четырнадцать месяцев, три недели и два дня.

— Арчи, — сказал Барс. — Ты здоров?

— Я не о здоровье, — крот невозмутимо вытер лапы о траву. — Я о том, сколько времени прошло с тех пор, как ты в последний раз счёл меня нужным.

— Я не мог прийти раньше.

— Мог.

— Не мог.

— Мог, — крот кивнул в сторону. — Ты каждый вторник ходишь на рыбный рынок. Рыбный рынок — это Второй Ольховый переулок. От Ольховой улицы до Второго Ольхового переулка — сорок шагов. Ты четырнадцать месяцев ходил мимо.

Барс молчал.

— Я не в обиде, — сказал Арчи. — Я просто веду статистику.

Это была правда. Арчибальд вёл статистику по всему на свете: по осадкам, по ценам на репу, по количеству котов, споткнувшихся на Третьей Пробковой (семь за год, рекорд держал Косой Мурзик — три раза), и, разумеется, по своим коллегам. Статистика была его способом любить мир, потому что в живом виде мир его слишком раздражал.

— Ты не будешь спрашивать, зачем я пришёл? — поинтересовался Барс.

— Пропали сливки, — сказал крот.

Пауза.

— В северных складах, — добавил Арчи. — Тридцать шесть литров, первый сорт, семь бочек. Вчера утром стояли, сегодня утром нет. Замки целы. Окна забиты. Ключи под подушкой

у кладовщика. Мадам Мурр выставила на улицу кресло и позвала тебя, чтобы ты утёр нос Барону, а Барон третий час стоит и смотрит в стену, потому что ему кажется, что склад над ним смеётся.

Барс смотрел на него.

— Как ты это узнал.

— Я живу под землёй, — сказал Арчи спокойно. — У земли хорошая акустика. Северные склады стоят на моих ходах.

— На твоих?

— Формально северная ветка относится к ведению Подземного управления третьего сектора, — крот поправил очки, — но я инспектирую её восемнадцать лет и знаю каждый камень. Твой амбар я проходил в среду.

— В среду он был пуст?

— Нет. — Арчи поднял лапу и очень аккуратно, будто снимал нагар со свечи, снял с плеча травинку. — В среду в нём было семь бочек.

Барс почувствовал, как по спине у него пошёл холодок — не неприятный, а такой, какой бывает, когда дело наконец поворачивается нужной стороной.

— То есть ты там был в среду.

— Я там проходил.

— И ты видел бочки.

— Я не видел, — сказал Арчи с достоинством. — Я зафиксировал.

— Ты их по запаху?

— Я их по температуре. Сливки держат холод. Меняют температуру грунта над собой. Над амбаром номер шесть грунт холоднее на два градуса, чем над амбаром номер пять. В среду было холодно над обоими. В четверг стало холодно только над пять. Значит, из шестого бочки ушли в ночь со среды на четверг. — Он сделал паузу. — Я уже написал об этом в отчёте.

— В каком отчёте?

— В квартальном. Раздел «изменения температуры грунта над хранилищами» — там как раз есть свободная строчка.

Барс смотрел на него долгим взглядом и в третий раз за день подумал одну и ту же мысль, которую гонял от себя четырнадцать месяцев: этот крот — чудо природы, и общаться с ним невыносимо.

— Арчи, — сказал он. — Мне нужна твоя помощь.

— Нет.

— Я не договорил.

— Тебе не надо договаривать. — Крот сложил лапы на груди. — Я знаю, как звучит эта фраза в твоём исполнении. Ты скажешь, что это дело века, потом скажешь, что без меня его не раскрыть, потом скажешь, что я единственный, кто понимает подземелья Барсингтона, потом скажешь, что месье Мурр заплатит. Это всё я уже слышал.

— Это мадам.

— Что?

— Не месье, а мадам.

— Сливки продаёт мадам, — крот нахмурился. — Значит, я уже не всё слышал. Записываю. — Он вынул из кармана блокнот, приложил к странице лапу и провёл ею — не читая, а будто проверяя, на месте ли то, что там написано. — Продолжай.

— Мадам Мурр, — сказал Барс, — заплатит столько, что тебе хватит на бумагу до конца жизни.

Долгая пауза.

— На бумагу, — повторил Арчи.

— На бумагу.

Крот замер. Если бы у него были зрачки, неизвестно, как они себя повели бы, но у него их не было, и потому его лицо осталось совершенно каменным. Только лапы чуть-чуть сжали блокнот.

Барс уже видел этот жест. Он видел его четырнадцать месяцев назад, когда Арчи стоял в подземной каморке и держал в лапах последний, единственный, заветный запас хорошей бумаги — плотной, кремовой, той, которая не расслаивается от сырости. Барс тогда сказал: «да ладно, найдут тебе ещё бумагу». Арчи тогда ничего не ответил. А через неделю перестал отвечать на три удара.

— Ты помнишь, что ты тогда сказал, — произнёс крот тихо.

— Помню.

— Повтори.

— Я был кретин.

— Не повторяй, — крот замерзал, как будто ему самому стало холодно. — Не повторяй это. Я не хочу это слышать.

— Я был кретин, — повторил Барс. — Бумага в этом городе не переводится, потому что все считают её мусором. Я тогда это сказал, потому что мне было неудобно, что я не могу тебе помочь. А потом стало неудобно прийти. И это продолжалось четырнадцать месяцев, потому что мне всё время было неудобно.

Арчи молчал.

Слива, сидевший за Барсом, наклонился к его уху и прошептал громким шёпотом, который было слышно в третьем секторе:

— Он плачет?

— Не говори так, — отозвался Арчи ровно, — я не плачу. У меня отсутствует слёзный аппарат. Я его сдал в архив в две тысячи первом.

— Простите, — сказал котёнок.

— Кто это, кстати? — крот наконец повернул голову туда, откуда шёл запах рыжего котёнка. — Ты привёл мне ребёнка.

— Тебе?

— Мне. — Слепые круглые очки смотрели точно на Сливу. — Ты зачем пришёл, маленький?

— Я работал! — Слива выпрямился, насколько мог позволить рост. — Я нёс письмо!

— Понятно. И что ты делал до письма?

— Бегал.

— А после?

— Тоже бегал.

— А в промежутке?

— Писал, — сказал котёнок и гордо добавил: — Ну, пытался.

Арчи очень аккуратно повернулся к Барсу.

— Мне нужен писарь, — сказал он.

— Что?

— Я не вижу того, что записываю. Я записываю, чтобы не забыть, а потом отдаю — и не знаю кому. Отчёт написан, а прочитать его некому. Мне нужен тот, кто умеет держать перо и не переворачивает чернильницу на документы.

— Ему четыре месяца, — сказал Барс.

— Значит, у него есть время научиться. — Арчи повернулся к котёнку. — Как тебя зовут?

— Слива.

— Нет, — сказал крот.

— Что нет?

— Это не имя. Это напиток. Тебя будут путать с приказчиком из сырной лавки. Тебя будут путать с бочкой. Тебя будут путать с тем, что у меня на столе. Имя должно быть длиннее тебя, чтобы ты к нему рос.

Слива моргнул.

— А вы можете придумать?

— Могу, — сказал Арчи. — Но не бесплатно. За это ты будешь писать отчёты.

— Согласен!

— Договор вступает в силу с сегодняшнего дня, — крот щёлкнул блокнотом. — Вслух: «Арчибалд Одноглазый Инспектор». Не спрашивай почему — все спрашивают, а я не отвечаю. Второе: обиды на бумаге не фиксируются. Третье, — он поднял лапу, — мадам Мурр в договоре не упоминается.

— Почему?

— Потому что я не люблю, когда мне сначала пишут «не берите с собой крота», — сказал Арчи, — а потом предлагают работу за деньги.

Барс застыл.

— Откуда ты знаешь про письмо.

— Барон, — сказал крот. — Дядя Барон стоит у склада и повторяет вслух всё, что прочитал. Он не умеет держать это внутри. Я слышал про письмо дважды: один раз, когда он читал его тебе, и один раз, когда он читал его себе, чтобы понять.

Барс закрыл лапами морду.

— Хорошо, — сказал он. — Хорошо. Мы всё равно идём вместе.

— Куда?

— В северные склады. В подвал. Смотреть, куда ушли сливки.

Крот подумал.

— Есть условие, — сказал он.

— Говори.

— Я не выхожу на поверхность днём. Не спорю, не обсуждаю, не считаю это причудой. Я не выхожу днём, потому что днём меня могут увидеть, а я инспектор, а не балаган. — Он указал лапой на траву. — Я иду вниз. Ты идёшь вверх. Мы сходимся у решётки на восточном углу. Через сорок минут.

— Через сорок?

— Через сорок, — сказал Арчи. — Тебе хватит времени дойти, поправить плащ и придумать, как выглядеть эффектно, когда я приду.

И, не дожидаясь ответа, он исчез в земле — быстро, будто его и не было. Только травинки сомкнулись, и остался аккуратный ровный холмик, от которого к северу шла еле заметная полоса взрыхлённой земли.

Барс стоял и смотрел на это долго.

— Он мне нравится, — сказал Слива.

— Да, — Барс поправил плащ. — Мне тоже.

— А почему вы его не зовёте?

— Потому что он — Арчибалд, — сказал Барс, — а я однажды назвал его кротом, и он не забыл.

Он развернулся и пошёл к северу, в город, где горели фонари, пахло ужином и кто-то очень тихо, под землёй, снова начал считать.

Глава 3. Осмотр сверху

Барс шёл к северным складам и всю дорогу уговаривал себя, что условие крота его устраивает.

Сорок минут. Хорошо. Отлично. Он как раз успеет сделать то, что делают все хорошие детективы: осмотреть место сверху, свежим взглядом, пока все остальные ползают по земле и топчут улики. Сверху видно то, чего не видно снизу. Это даже красиво звучало.

Проблема была в том, что Барс люто, всем сердцем ненавидел крыши.

Нет, неправда. Крыши он любил. Крыши были его стихией, его кабинетом, его сценой. Он мог пройти по гребню конька так, что ни одна черепица не шелохнулась; он мог перепрыгнуть переулок шире, чем его самомнение. Всё дело было в том, что на крышах жил Косой Мурзик.

Мурзик был старым котом, у которого один глаз смотрел вверх, а второй — куда хотел. Он занимал крышу рыбного склада уже семь лет и считал её своей законной вотчиной, а всех, кто поднимался выше второго этажа, — личными оскорблениями. В Барсингтоне ходила легенда, что Мурзик однажды согнал с крыши городского судью и после этого судью пришлось менять.

— Господин, — сказал Слива, семена рядом, — а мы куда?

— Наверх.

Котёнок задрал голову и посмотрел на тёмные крыши над улицей.

— Туда?

— Туда.

— А зачем?

— Затем, — Барс остановился и посмотрел на спутника с выражением великого наставника, — что детектив должен смотреть на мир с той точки, откуда на него никто не смотрит. С земли всё выглядит обычно. С земли всё выглядит так, как преступник и хотел, чтобы оно выглядело.

Слива подумал.

— А с крыши?

— А с крыши видно, как на самом деле.

Это звучало так хорошо, что Барс почти поверил сам. Он примерился, оттолкнулся и в три прыжка взлетел на водосточную трубу, с неё — на карниз, с карниза — на низкий скат булочной. Когда он оглянулся, Слива висел на третьем поясе трубы, держась всеми четырьмя лапами и глазами.

— Я не могу! — сообщил котёнок.

— Ты должен!

— Я не могу!

Барс вздохнул, спустился, взял котёнка за шкурку и перетащил на скат. Слива отряхнулся с достоинством, будто это он всех спас.

Дальше крыши тянулись длинной чередой — булочная, шляпная мастерская, аптека со стеклянным куполом, две жилые кровли с бельём на верёвках. Барс шёл по гребню, опустив нос, читая крышу, как страницу.

Вот здесь днём сохло бельё. Здесь ночью кто-то сидел и курил — есть подпалины на драмочной кромке. Здесь птицы, много птиц; это хорошо, птицы видят всё, надо будет потом поговорить с воробьями, они болтливы и дешёвы. Здесь труба, из которой тянет сушёной рыбой, — значит, под нами не квартира, а склад.

А вот и северные амбары, три красных ряда, аккуратные, будто их вычертили по линейке.

Барс лёг на живот у края крыши и посмотрел вниз.

И почти сразу понял, что дело хуже, чем он думал.

Он видел двор складов сверху. Видел побелённые стены, гравийную дорожку, кресло мадам Мурр, стоящее в одиночестве под навесом. Видел двух рабочих, которые убирали мел с пола и переговаривались. Видел Барона, который никуда не ушёл и всё ещё стоял возле амбара с видом пса, которому сказали важное, но не сказали, что оно значит.

И видел решётку.

Восточный угол — именно тот, о котором говорил крот. Чугунная решётка в три прута, почти вросшая в землю, присыпанная гравием, с налипшими листьями.

Барс сдвинулся по краю, меняя угол. И вот тут увидел то, за чем сюда шёл.

От решётки к амбару номер шесть — еле заметная тёмная полоса. Не дорожка, не след лап, не потёк от воды. Просто полоса: гравий чуть темнее, чуть плотнее, будто его долго приминали. Полоса шла от угла решётки прямо к воротам шестого амбара и обрывалась у стены.

А от пятого амбара такой полосы не было.

Значит, у шестого амбара был второй вход. Не тот, куда приходят рабочие. Другой — тот, который вскрыли снизу.

Барс потёр лапы. Начинало вырисовываться. Кто-то спустился через решётку, снял бочарный щит под полом шестого амбара, вылил сливки вниз, поставил щит обратно и ушёл. Аккуратно, деловито, без спешки — так работают не воры, а те, кому очень надо, чтобы всё выглядело так, будто ничего не было.

И этот кто-то прекрасно знал, где у шестого амбара пол.

— Господин, — раздался внизу голос. Слива уже съехал по скату и теперь сидел на карнизе, свесив хвост. — Там собака идёт.

Барс посмотрел вниз. Барон действительно отошёл от стены и стал медленно обходить двор, опустив морду и повторяя что-то себе под нос. Он двигался прямо к восточному углу.

— Стой! — крикнул Барс.

Слишком поздно. Мастиф сделал ещё три шага, замер и уставился на землю.

— Тут что-то есть, — сказал Барон вслух, с той основательностью, с которой объявляют приговоры. — Тут что-то есть. Я вижу.

Барс уже летел вниз.

Он успел. Не потому, что был быстр, а потому, что Барону для осмысления увиденного требовалось примерно восемь секунд, и это были самые ценные восемь секунд в истории охраны северных складов.

— Стой, где стоишь! — Барс затормозил в двух шагах.

— Кот. — Барон повернул голову. — Тут что-то есть.

— Есть. И в этом всё дело.

— В чём?

— В том, что тут ничего нет, — сказал Барс уверенно.

Барон посмотрел на полосу гравия. Потом на Барса. Потом снова на гравий. Было видно, что в его могучей голове идёт борьба, и что борьба эта — не на жизнь, а на смерть.

— Кот, — сказал он наконец. — Ты говоришь странное.

— Я говорю правду. Эта полоса — это то, что ты хочешь найти. — Барс подошёл ближе и очень отчётливо, отдельно произнёс: — И именно поэтому её нельзя топтать. Ты наступишь на неё — и всё, что она говорит, исчезнет. Ты это понимаешь?

Мастиф нахмурился.

— Она говорит?

— Говорит.

— Кто говорит?

— Полоса.

Барон посмотрел на землю так, будто она только что заявила, что умеет петь.

— Полоса говорит, — повторил он медленно, чтобы убедиться, что не ослышался.

— Да.

Наступила долгая тишина. Где-то на крыше Слива увлечённо смотрел на всё это, открыв рот.

— А что она говорит? — спросил наконец Барон.

— Она говорит: «всё, что здесь произошло, случилось не в среду, а в ночь со среды на четверг, и не через дверь, а через пол». — Барс выдержал паузу. — И для того, чтобы это сказать, ей нужно было, чтобы никто на неё не наступал одиннадцать лет.

Барон отступил на шаг. Потом ещё на шаг. Потом сел. Медленно, всем корпусом, как садится очень большой и очень озадаченный пёс.

— Кот, — сказал он. — Это очень сложно.

— Я знаю.

— Ты уверен, что это правда?

— Нет, — честно сказал Барс. — Но это лучшее, что у нас есть.

Он присел над полосой, аккуратно повёл носом, отмечая, где гравий примят плотнее, где осел, где лежит камешек, выдавленный снизу. Ещё раз, для точности. Всё сходилось: вход в шестой амбар был снизу, и он был один. Никаких следов там, где были следы рабочих. Никаких вмятин от когтей. Ни одной сорванной травинки по краям.

Это была работа лап, у которых вместо когтей — лопаты.

Барс выпрямился.

Он уже знал, кого ждать. Сорок минут истекали.

И тут, очень тихо, из глубины двора, из-за амбаров, донеслось странное. Кто-то шёл. Не рабочий, не Барон. Шаги были мелкие, быстрые, с нервным перестуком. Барс повернулся.

Из-за угла пятого амбара вышел котёнок.

Точнее — вышел не Слива. Это был другой котёнок, серый, с белым пятном на груди, и он шёл, оглядываясь так часто, будто за ним кто-то гнался. В зубах он держал что-то маленькое и круглое.

Он не заметил ни Барса, ни Барона. Он шёл прямо к шестому амбару, к стене, к тому месту, где полоса уходила в фундамент.

Подошёл, присел, положил свою ношу на гравий и стал копать — торопливо, как копают, когда очень боятся, что увидят.

Барс двинулся вперёд, чтобы окликнуть. И в этот миг произошло сразу три вещи.

Первая — из-под земли, прямо под котёнком, с глухим звуком поднялась бурая лапа, схватила серого за шкуру и молниеносно утащила его вниз. Котёнок даже не успел пискнуть.

Вторая — Барон вскочил, рывкнул так, что с навеса посыпалась пыль, и бросился туда, где только что был котёнок.

Третья — из решётки на восточном углу, ровно и неспешно, выбрался крот в круглых очках, отряхнул лапы и сказал в пространство:

— Не беги, он не твой. Это мой свидетель.

Барс стоял и смотрел на то место, где исчез серый котёнок.

— Арчи, — сказал он. — Что ты сейчас сделал.

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.